ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 (438)
5.6.2. Всеобщая история

В.И. Кривуть
БИП – Университет права и социально-информационных технологий

ТОКИЙСКИЙ МЕМОРАНДУМ Ю. ПИЛСУДСКОГО КАК ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ ПОЛЬСКОГО ПРОМЕТЕИЗМА

Статья посвящена развитию идеологии доктрины польского прометеизма. Анализируются основные положения меморандума, представленного Ю. Пилсудским японским властям в 1904 г. и ставшего одним из важнейших программных документов данной идеологии.

Прометеизм, Ю. Пилсудский, сепаратизм, национализм, русско-японская война.

Элементы геополитической концепции прометеизма, предполагавшей объединение народов Восточной Европы и Кавказа под эгидой Польши с целью расчленения и в дальнейшем изоляции России, на рубеже XIX–XX вв. были взяты на вооружение польскими социалистами, одним из признанных лидеров которых являлся Юзеф Пилсудский (1867–1935). Весьма показательно, что уже в принятом в 1892 г. эскизе программы Польской социалистической партии (ППС) признавалась целесообразность «отметить свою сепаратистскую политику» [11, с. 7]. В решениях III съезда ППС (1895 г.) присутствовал раздел «Отношение к иным национальностям российского государства», выдержанный в духе прометеизма. В нем отмечалось, что среди многих народов, проживающих в российском государстве, пробуждается сопротивление, которое будет в дальнейшем только усиливаться. Также указывалось, что эти нации, благодаря своей численности, представляют силу, которая при соответствующих условиях будет решать судьбу царизма. Подчеркивалось, что польский рабочий класс и все международное рабочее движение заинтересованы в свержении агрессивного царизма, а самым надежным средством этого является отделение от российского государства покоренных царизмом наций. Поэтому съезд постановил, что в своих отношениях с оппозиционными группами иных национальностей ППС должна стремиться к пробуждению в них сепаратистских устремлений и указывать на необходимость свержения царизма путем взаимодействия покоренных им народов. Одновременно съезд поручил ЦК партии оказывать помощь социалистическим движениям, зарождавшимся среди этих народов [13, с. 6].

Такая деятельность должна была привести к решительному доминированию ППС в общероссийском революционном движении. На это указывал в конце 1895 г. Ю. Пилсудский в одном из своих писем соратникам: «В общем в межнациональных отношениях в России, которым я, кажется, придаю большее значение, чем Вы все, придерживаюсь того принципа, что центр внутренней политики в России нужно решительно перебросить с Невы на Вислу и сделать этот перенос как можно более очевидным для всего мира. Мы должны взять за лоб любую оппозицию, и запрячь ее в нашу телегу… Мы должны быть хозяевами не только у себя дома, но и во всем государстве царя. Словом, “польская интрига” должна оплести всего колосса» [6, с. 35–36].

В дальнейшем вышеуказанные положения нашли широкое отражение в публицистической деятельности тогдашних польских социалистов во главе с Ю. Пилсудским. В 1890-х гг. в пропаганде ППС открыто демонстрировалась антироссийская позиция (как минимум в государственном, если не национальном смысле). Проявлением этого стала целая серия публикаций в партийной прессе [9, с. 49].

В качестве показательной можно назвать статью Ю. Пилсудского «Россия». Помимо всего прочего, в ней заявлено, что в отсталой с точки зрения развития капиталистических отношений России все общественные классы не имеют традиций политической борьбы [7, с. 90]. При этом надежды на успех борьбы с царизмом Ю. Пилсудский связывает с национальным движением народов Российской империи – фактически с реализацией концепции прометеизма. Он отмечает, что, к счастью, в состав российского государства помимо собственно России входят и другие, покоренные силой края. Их население – поляки, литовцы, латыши, русины – занимают территории, ранее принадлежавшие «польской Речи Посполитой». А они имеют совсем иное историческое прошлое и иные традиции. Суровые национальные и религиозные преследования со стороны царизма пробуждают у них ненависть к существующим политическим порядкам. При этом у них нет той веры в царя, которая препятствует русским реально оценивать положение вещей. Поэтому пробуждение политического самосознания этих народов будет происходить легче, чем в России.

Ю. Пилсудский завершает статью следующим, имеющим откровенно прометеистский характер пассажем: «Все эти условия позволяют допускать, что именно оттуда придет та сила, которая сотрет в порошок могущество царизма. Российское же революционное движение может сыграть в этой борьбе только вспомогательную роль… Татарская неволя, сдерживая развитие России, обосновала в ней царизм, который чувствует себя там спокойно и в безопасности. Поэтому наученный опытом, царизм желает российской неволей сдержать поступательное развитие захваченных стран, чтобы и там создать себе спокойное логово. Однако там его ждет неизбежная погибель. Польский рабочий класс, который и сейчас уже доставляет царизму немало хлопот, потянет за собой к борьбе трудящиеся массы иных покоренных народов и, поддержанный революционным движением в самой России, приведет их к победе, которая не только ему, но и всем, стонущим в царской неволе, обеспечит свободу и освобождение» [7, с. 91].

Подобные идеи содержались и в других многочисленных публикациях лидера ППС и его ближайших соратников. Но, как отмечает современная польская историография, наиболее полный и четкий вид они приобрели в т.н. токийском меморандуме Ю. Пилсудского [10, с. 15].

Данный документ возник в ходе контактов с японскими военными в период русско-японской войны 1904–1905 гг. После начала событий на Дальнем Востоке Ю. Пилсудский сомневался в возможности победы России, но он не верил и в то, что Япония способна в одиночку разгромить своего противника. По его мнению, помочь ей должно было польское восстание, подготовленное ППС. Средства на это восстание рассчитывали получить у японцев, которые начиная с 1902 г. осуществляли секретную операцию по поддержке сепаратистских движений в Российской империи [2, с. 134].

По инициативе Ю. Пилсудского состоялись тайные встречи между эмиссарами партии и японскими дипломатами в Европе. Предложения поляков были выслушаны, но соглашение достигнуто не было. Тогда ППС постановила направить в Токио Ю. Пилсудского и Т. Филиповича. В июле 1904 г. посланцы партии прибыли в Токио [1, с. 48–51, 3, с. 35; 5, с. 85].

В ходе этого путешествия из Европы через Америку в японскую столицу Ю. Пилсудским и был разработан упомянутый меморандум, врученный чиновникам японского министерства иностранных дел 13 июля 1904 г.

В самом начале меморандума отмечается, что Россия только внешне является единым государством. Даже религиозное единообразие – 2/3 всего населения официально считаются православными – является только видимостью. С точки же зрения национальности единообразие Российской империи исчезает полностью. Автор меморандума сообщает, что из 126 млн населения собственно русские составляют 57–59 млн чел., т.е. менее половины. Национальные различия определяют различия в уровне культурного развития. Ю. Пилсудский указывает на принципиальные культурные отличия западных окраин империи – территорий «в полном смысле слова общеевропейской культуры» – от непосредственно русских, татар или многочисленных народов Средней Азии. В документе особо подчеркивается, что «преобладающая часть государства была присоединена к империи путем завоевания и насильственного включения стран и народов, которые перед этим жили иной жизнью, полностью отличающейся от российской. Различия же исторических традиций, а также память о прошлых и нынешних насилиях еще больше углубляет разнообразие царского государства» [8, с. 250].

Именно отсутствие единства называется главной слабостью Российской империи, ее «ахиллесовой пятой». Царское правительство прекрасно осознает это и потому, по словам лидера ППС, проводится «политика, ведущая к слиянию всей империи в одну стомиллионную массу россиян, приводящая к стиранию национально-культурных различий между подданными царя» (Там же).

Ю. Пилсудский заявляет, что эта политика является источником постоянного недовольства нерусского населения. Автор по-разному оценивает потенциал недовольства различных народов в качестве силы, разлагающей российское государство. Согласно этой оценке, слабым является напряжение оппозиционного духа среди русинов (украинцев) и белорусов: «Они находятся только в начальных стадиях оппозиционного развития и до сих пор не способны к борьбе за свои права, хотя недовольство, несомненно, существующее среди них, может быть использовано при определенных условиях другими в качестве орудия в борьбе против российского централизма» (Там же, с. 251).

В качестве реальной оппозиционной силы называются поляки, литовцы, белорусы-католики, латыши, финны, армяне и грузины. Только они способны создать реальную оппозицию, которая при благоприятных условиях может расколоть царское государство. Развивая более подробно характеристику национального движения в Российской империи, Ю. Пилсудский использует гегелевскую идею об исторических и неисторических народах. Первые из них имеют историческую традицию самостоятельной жизни или связи с данным государством, у вторых такой традиции нет. В связи с этим у первой группы народов оппозиционные настроения будут сильнее, а их социальная структура дает больше гарантий стойкости и способности к борьбе. К историческим народам автор мемориала относит поляков, финнов, грузин и «в небольшой степени» армян. Литовцы, белорусы и латыши не могут представлять собой самостоятельную силу, поскольку или подпадают под польское влияние, или способны только на «тихую оппозицию», довольствуясь уступками в национальной сфере внутри империи и не желая отделения и самостоятельного существования (Там же, с. 252).

Таким образом, главными «факторами разложения российского государства» называются Польша, Финляндия и Кавказ. Кроме того, как указано в меморандуме, следует учитывать польское «решающее влияние» на Литве и католической Беларуси (губернии: Гродненская, Ковенская, Виленская, Минская и, в определенной мере, Витебская и Могилевская).

Первостепенное значение имеет Польша и поляки. Для обоснования данного тезиса Ю. Пилсудский указывает на целый ряд обстоятельств. Прежде всего, поляки являются самым многочисленным из вышеназванных народов: их численность составляет 12 млн чел. Но показательно, что автор меморандума предлагает добавить к ним еще литовцев, белорусов, часть евреев и латышей, которые могут быть втянуты в борьбу с Россией, что позволит увеличить названную цифру вдвое. Также поляки имеют наибольшие «политические устремления», больше всех вовлечены в борьбу с Россией и наиболее враждебны к российскому государству. У них накоплен огромный организаторский опыт, приобретенный в столетней борьбе против Российской империи, чего нет в Финляндии и на Кавказе (тут Ю. Пилсудский почему-то забывает о считающейся самой длинной в истории России Кавказской войне 1817–1864 гг.). Польское революционное движение является серьезной организованной силой, значительно опережающей в своем развитии революционное движение других народов. Наконец, поляки, наряду с финнами, наиболее культурно развиты, что делает их своеобразным культурным связующим звеном всех завоеванных народов, тем более что поляки в той или иной мере присутствуют на территории всей империи. К этому следует добавить и то, что Польша и Литва имеют серьезное экономическое и финансовое значение для российского государства. Поэтому «если другие народы самостоятельно способны только на оппозицию правительству, препятствовать его политике и доставлять хлопоты, то только поляки смогут довести развитие событий до открытой борьбы и повлечь за собой остальные завоеванные Россией национальности» [8, с. 253].

В качестве политической цели меморандум выдвигает «раскол российского государства на главные составляющие части и освобождение стран, насильственно включенных в состав империи». Это будет не только исполнением польских устремлений к независимости, но и ее гарантией, «поскольку Россия, лишенная своих завоеваний, будет настолько ослаблена, что перестанет быть грозным и опасным соседом» [8, с. 253].

Ю. Пилсудский отмечает, что только польские социалисты открыто стремятся к расколу российского государства путем вооруженного выступления Польши и Литвы при поддержке других покоренных Россией национальностей. С этой целью ППС ведет работу как внутри Польши, так и за ее пределами. Помимо всего прочего, партия «пробуждает сепаратистские устремления среди народов, захваченных Россией. Под влиянием нашей партии эти устремления уже явно заметны среди литовцев, белорусов, латышей и русинов» (Там же, с. 255).

Также автор меморандума подчеркивает, что до недавнего времени ППС не приступала к активным действиям, поскольку отсутствовали благоприятные обстоятельства к этому. В качестве внешних факторов Ю. Пилсудский называет войну на Дальнем Востоке, которая, по его мнению, ускорила разложение российского государства. Среди нерусских народов японские победы якобы вызвали возбуждение и склонность к более активной борьбе: «Поражения российских войск начали развеивать гипноз, прививавший до сих пор в людские головы представление о непобедимой мощи России, которую ничто не способно поколебать… В людских сердцах возникли надежда и ожидания политических изменений, что чрезвычайно возбуждающе воздействовало на умы. Естественно, что в Польше все эти явления наиболее ощутимы» [8, с. 257].

В меморандуме указывается, что такое положение вещей должно вести к союзу между Японией и Польшей. При этом Япония получит в лице Польши закаленного в борьбе с Россией союзника, а Польша может найти в Японии опору и помощь для осуществления своих планов. Что касается конкретных предложений в сфере польско-японского сотрудничества, то Ю. Пилсудский подготовил проект соответствующего договора. В преамбуле проекта договора отмечается, что общность интересов Японии и Польши состоит в ослаблении Российской империи и сокрушении ее мощи. Но, помимо этой общности интересов, указывается и на различия в некоторых практических политических вопросах. Поэтому сотрудничество между японцами и польскими революционерами должно строиться на компромиссе во имя общих интересов. Для достижения данного компромисса от Японии требовались: денежные дотации и поставки оружия для ППС, создание польских легионов из военнопленных и т.д. В случае полного разгрома России в войне или начала революции в Польше Япония должна была бы предпринять дипломатические шаги в пользу Польши. Взамен ППС обещала не только вести агентурную разведывательную и диверсионную работу, развернуть антивоенную пропаганду и, при благоприятных обстоятельствах, организовать вооруженное восстание в Польше, но и «налаживать сотрудничество между всеми народами, стоящими в оппозиции к России» [12, с. 180–181].

Следует признать, что стратегической цели – заключения полномасштабного политического договора с Японией – польским революционерам достичь не удалось. Сам Ю. Пилсудский говорил о «незначительных результатах переговоров с японцами». Во многом этому поспособствовал лидер польских национал-демократов Р. Дмовский, который также находился тогда в Японии и представил свой меморандум японскому правительству. Он настаивал на маргинальном характере ППС и не советовал японцам ввязываться в военное сотрудничество с поляками. Р. Дмовский доказывал, что национальное восстание на территории Царства Польского невозможно. Локальные же выступления нанесут вред не только полякам, но и Японии: Россия держит на Висле большую армию, которая легко подавит бунт, а потом будет переброшена на Дальний Восток. Эти доводы убедили японцев. Кроме того, они и сами не намеревались вмешиваться в польские дела. Главной их задачей была победа на Тихом океане, а не втягивание в широкомасштабный конфликт, который неизбежно возник бы в случае поддержки Японией «польского дела». Также следует указать, что свою роль сыграла позиция союзной Японии Великобритании, которая была неблагожелательно настроена относительно возможности распространения вооруженного конфликта на территорию Европы [1, с. 56–57; 2, с. 134; 4, с. 49; 5, с. 86].

Тем не менее, отношения ППС с японскими спецслужбами были установлены. Поляки должны были передавать японцам разведывательную информацию о политической и военной ситуации в Российской империи, взамен они получали финансовую помощь и возможность закупать оружие. Первоначально назначалась ежемесячная выплата за разведывательную информацию в размере 90 фунтов стерлингов. Всего же, по различным подсчетам, за 1904–1905 гг. японцы выделили ППС от 20 до 33 тыс. фунтов. Также ППС получила от японских спецслужб несколько тысяч винтовок. Так или иначе, были заложены основы польско-японского антироссийского сотрудничества, которые получили дальнейшее развитие уже в межвоенный период [2, с. 135; 12, с. 286]. Но в начале XX в. японская разведка, как когда-то британские спецслужбы в случае с Великой эмиграцией (1831–1863), использовала ППС в своих, сугубо утилитарных целях.

Таким образом, хотя стратегические цели токийской миссии Ю. Пилсудского не были достигнуты, в ее ходе был создан меморандум, ставший одним из важнейших программных документов идеологии прометеизма. Он был посвящен дезинтеграции России «по национальным швам» окраинными народами империи под руководством польских социалистов. Автор данного документа видел в расколе России реализацию устремлений поляков к самостоятельному существованию и гарантию их независимости. Фактически меморандум содержал обоснование претензий Польши на ведущую роль в Восточной Европе, что в дальнейшем стало одной из основных геополитических идей польской внешней политики, как в межвоенный период, так и на современном этапе.

Литература

1. Инаба, Ч. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. / Ч. Инаба. – Москва : РОСПЭН, 2013. – 191 с.

2. Матвеев, Г. Ф. Юзеф Пилсудский и Польская государственность (1892–1921) / Г. Ф. Матвеев // Российские и славянские исследования : сборник научных статей / редколлегия: О. А. Яновский [и др.]. – Минск : БГУ, 2010. – Вып. 5. – С. 131–158.

3. Наленч, Д. Юзеф Пилсудский – легенды и факты / Д. Наленч, Т. Наленч. – Москва : Политиздат, 1990. – 399 с.

4. Павлов, Д. Б. Японские деньги и первая русская революция / Д. Б. Павлов. – Москва : Вече, 2011. – 288 с.

5. Garlicki, A. Józef Piłsudski: 1867–1935 / A. Garlicki. – Warszawa : Czytelnik, 1988. – 783 s.

6. Piątkowski, L. Rosja w myśli politycznej Józefa Piłsudskiego do 1920 roku / L. Piątkowski // Res Historica. – 1999. – Z. 8. – S. 29–48.

7. Piłsudski, J. Rosja / J. Piłsudski // Pisma zbiorowe: w 10 t. – Warszawa : Instytut Józefa Piłsudskiego Poświęcony Badaniu Najnowszej Historii Polski, 1937. – T. I. – S. 79–91.

8. Piłsudski, J. Memoriał złożony Ministerstwu spraw zagranicznych w Tokio / J. Piłsudski // Pisma zbiorowe : w 10 t. – Warszawa : Instytut Józefa Piłsudskiego Poświęcony Badaniu Najnowszej Historii Polski, 1937. – T. II. – S. 249–258.

9. Suleja, W. Józefa Piłsudskiego pojedynek z imperium (1887 – 1917) / W. Suleja, A. Nowak, H. Głębocki. – Kraków : Instytut Pamięci Narodowej, 2018. – 98 s.

10. Suleja, W. Józef Piłsudski jako prometeista / W. Suleja // Nowy Prometeusz. – 2020. – № 15. – S. 13–17.

11. Szkic programu Polskiej Partyi Socyjalistycznej // Przedświt. – 1893. – № 5. – S. 2–7.

12. Świętek, R. Lodowa ściana: Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904–1918 / R. Świętek. – Kraków : Platan, 1998. – 950 s.

13. Uchwały III-go zjazdu Polskiej Partyi Socyjalistycznej // Robotnik. – 1895. – № 9. – S. 5–6.

V.I. Krivut

TOKYO MEMORANDUM OF JOZEF PILSUDSKI AS A PROGRAM DOCUMENT OF POLISH PROMETHEISM

The article is devoted to the development of the ideology of Polish Prometheism doctrine. The main provisions of the memorandum presented by J. Pilsudski to the Japanese authorities in 1904 and which became one of the most important program documents of this ideology are analyzed.

Prometheism, Jozef Pilsudski, separatism, nationalism, Russian-Japanese war.